

Морская летопись

ЦУСИМСКИЙ БОЙ

Г.Б. Александровский

Морская летопись

Георгий Александровский
Цусимский бой

«ВЕЧЕ»

2012

Александровский Г. Б.

Цусимский бой / Г. Б. Александровский — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Морская летопись)

В душе и памяти русского народа Русско-японская война (1904–1905) оставила очень глубокий след. По сей день не иссякает горячий интерес наших соотечественников к трагическим и героическим событиям тех далеких лет. Эта война во многом определила судьбу не только Японии, но и России. Но если победа Японии стала для страны стимулом в продвижении по пути прогресса и повысила ее международный авторитет, то поражение России в еще большей степени обострило те противоречия и трудности, с которыми столкнулась наша страна на рубеже двух столетий. Можно сказать, что это поражение стало детонатором тех событий, которые потрясли Россию в 1917 году и привели к падению Империи. Но нам нечего бояться памяти о Цусиме. Правда, которой мы должны гордиться, показала, что русский народ не потерял своего героического духа. Эта правда уже в течение тысячи лет является движущей силой русского народа, той живой водой, которая соединяет снова вместе временно разрозненные части русского государства и подымает страну с одра смертельной болезни, воскрешая ее к новой жизни.

Содержание

41 Минута крушения	6
Предисловие	10
Введение	13
Часть первая. Начало боя	15
Глава I. Ночь перед боем	15
Глава II. Утро перед боем	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Г. Б. Александровский

Цусимский бой

©Александровский Г.Б., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

41 Минута крушения

(о книге Г.Б. Александровского «Цусимский бой»)

Более полувека тому назад в описательной историографии Русско-японской войны произошло то, что сейчас бы назвали «знаковым событием», – свет увидело первое объективное исследование знаменитого морского сражения при Цусиме русского и японского флота, завершившееся победой последнего.

Вышло оно из-под пера Георгия Александровского – русского эмигранта, взявшего на себя благородный труд противопоставить своей книгой художественному вымыслу советского мариниста Новикова-Прибоя в его широко публиковавшемся в СССР романе «Цусима». Своей сверхзадачей автор поставил попытку объединить накопленные исторические сведения и на основе их восстановить объективную картину событий.

В действительности получилось произведение, в содержательной части своей превосходящее поставленные автором задачи, поскольку отдавало на суд потомкам не только емкий отчет о бое, но и полноценное художественное полотно, живо и ярко отобразившее трагедию Цусимы такой, какой она запечатлелась в памяти ее непосредственных участников, наблюдавших ее из разных точек боя.

До Александровского этого, разумеется, никто не делал, и книга сразу стала одним из тех весомых свидетельств, которыми воспользуется еще не одно поколение будущих историков и исследователей.

Историческая память русских людей вот уже сто с лишним лет постоянно возвращает все новых и новых исследователей к осмыслению произошедшего. Возможно, что события столетней давности послужили тревожным прологом ко всем последующим геополитическим катаклизмам страны, приведшим ее через двенадцать лет к страшному распаду, сопровождавшемуся реками крови и сокрушением вековых устоев жизни.

Автор прозрачно намекает, что крушение великой империи началось с попадания японского снаряда в верхнюю батарейную палубу флагманского корабля «Суворов», расположенную между двумя центральными башнями средней артиллерии. «Несмотря на сокрушительный взрыв, на большом судовом образе даже не разбились стекла киота. Множество образов, которыми напутствовали эскадру различные организации и родственники уходящих на Дальний Восток моряков, оказались нетронутыми. Перед иконами продолжали гореть несколько восковых свечей. Но всюду кругом валялись кучи обломков, черепков разбитой посуды, груды трупов и то, в чем трудно было опознать останки человеческих тел... Это попадание было символичным. Оно как бы предсказывало трагическую судьбу не только эскадры адмирала Рожественского, но и всей Российской империи, которой суждено было вскоре повторить крестный путь эскадры, посланной бродить вокруг половины света»¹.

Автору нельзя отказать в этом тонком наблюдении и проведенной исторической параллели, как нельзя лучше характеризующей горестный и недоуменный взгляд державника на нелегкую судьбу своей империи. А между тем это была естественная оценка, казалось бы, мистическим по природе событиям, шаг за шагом подталкивающим страну к великой пропасти, на краю которой она оказалась в феврале 1917 года.

Ведь если рассуждать здраво, то исход Цусимского боя мог бы стать иным: ведь противником японцев выступали не утлые шхуны первобытных дикарей-язычников, а сравнительно мощный флот морской России, имевший за собой двухвековую историю и шлейф великих побед. Во главе эскадры стоял замечательный, как понимаем теперь, флотоводец – адмирал

¹ Александровский Г.Б. Цусимский бой. 1905–1955, Издательство «Россия», Нью-Йорк, 1956.

Рождественский, а морской боевой дух был крепко замешан на православной вере, с которой российское воинство выиграло не одну битву на протяжении своей истории.

И вдруг все происходит наоборот, не так, как диктовала логика событий. Русские сталкиваются с силой японского оружия, снаряды японцев несут невероятные разрушения, а прицельная стрельба русских кораблей не достигает значимого результата. Убойная сила японских снарядов потрясла даже выдавших виды русских моряков. Очевидец, чье свидетельство приводит автор, утверждал, что попадавшие в корабли снаряды «словно заливали нас жидким пламенем, все жгли, все разрушали с какой-то неведомой силой – они давали облако совсем негустого рыжего удушливого дыма и массу едкой гари, носившейся в воздухе белыми хлопьями»².

Эту поистине апокалипсическую картину дополнили другие свидетельства моряков с других судов, подвергшихся интенсивному огню японского флота. «Они (снаряды. – *Авт.*) разрывались с оглушительным треском. Факелы огня взлетали к небу. Стальные балки ломались, как соломинки. Крутило, рвало и мяло железные листы. Кучу обломков поднимало в воздух... Горело все, вплоть до краски, которой была покрыта сталь...»³

Через 41 минуту после начала боя 2-я Тихоокеанская эскадра адмирала Рождественского была разгромлена. Это обстоятельство глубоко взволновало Морской Генеральный штаб, проводивший в 1905 году особое расследование обстоятельств гибели эскадры, давая оценку отданным и исполненным приказам, поведению флаг-офицеров Рождественского и правомочности предпринятых им в ходе боя действий. Комиссия подтвердила строгие вердикты в отношении помощников командующего эскадрой – контр-адмирала Н.И. Небогатова и контр-адмирала О.А. Энkvиста, а также многих других офицеров флота, числом до 77 человек, представших перед судом по окончании войны.

Пристальное внимание не только Генерального морского штаба, но и всей России привлекла печальная статистика потерь. За неполный час русская сторона потеряла 7 броненосцев, 1 броненосный крейсер, 4 крейсера, 1 вспомогательный крейсер, 5 миноносцев, 3 транспорта и 1 госпитальное судно. Японцы захватили 4 броненосца и миноносца. На базу во Владивосток прорвались единицы: два миноносца – «Грозный» и «Бравый» и крейсер «Алмаз». Крейсера «Аврора», «Олег» и «Жемчуг» ускользнули от преследования под покровом темноты, взяв курс на Филиппинские острова, где оказались интернированы до конца войны. Транспорты «Свирь» и «Корея» добрались до Шанхая, а «Анадырь» мчался без остановок до Мадагаскара.

Неслыханное поражение вызвало всеобщее недоумение и смятение: что произошло, и с чьей помощью могла быть одержана такая победа над русским флотом? Между тем в России находились и такие восторженные либералы, которые по получении известий о гибели эскадры при Цусиме, не дрогнув, составили приветственную телеграмму японскому императору, поздравляя его с победой... над русским самодержавием.

Враги России торжествовали победу, однако японский микадо не разделил их восторгов. Война с Россией слишком дорого далась Японии, и ее экономические ресурсы были почти на исходе. В самой России разгорались беспорядки, тщательно спланированные и осуществляемые под контролем международных недоброжелателей. Здесь были американские банкирские дома, европейское и доморощенное масонство, британские политики и наемная армия «странствующих революционеров» всех оттенков: от ниспровергателей-социалистов до либеральных демократов, вступавших во всевозможные формы альянсов и союзов, деятельность которых была направлена против самодержавного строя.

Государь понимал, что военная неудача, усиленная поражением на ниве внутренней политики, спровоцирует «великие потрясения». 25 мая 1905 года он сообщил вызванному в

² Александровский Г.Б. Указ. соч.

³ Александровский Г.Б. Указ. соч.

Царское Село послу Северо-американских Соединенных Штатов, что Россия готова к началу мирных переговоров с Японией.

27 июня 1905 года в Портсмуте открылась мирная конференция.

Официальный исследователь Цусимского боя контр-адмирал М.И. Смирнов писал: «... Все титанические усилия личного состава эскадры, все сотни миллионов, затраченные на ее создание, все надежды России были сокрушены в течение 41 минуты....»⁴

Александровский подробно останавливается на причинах этого поражения, подчеркивая очевидное – несоответствие вооружений противников, качество снарядов, также отличавшееся не в пользу русских, и устами контр-адмирала М.И. Смирнова, делает вывод: «Для Второй Тихоокеанской эскадры, в том составе и при той организации, как она была послана, не было соответствующих стратегических целей... С момента поражения Первой Тихоокеанской эскадры посылка ее на Дальний Восток была бесполезна для текущей войны и гибельна для будущего русского флота».

Книга Александровского тематически разделена на три части, охватывающие Цусимский бой от самого начала до полного окончания. В заключительной части книги автор анализирует действия адмирала Рожественского, рассматривает результаты артиллерийских дуэлей и завершает свой труд осмыслением места Цусимского боя в истории русского народа. В ней он горестно констатирует, что, к сожалению, уроков Цусимы не поняло и не осознало русское общество тех лет. Его охватил характерный и впоследствии часто проявлявшийся общественный недуг: «...неверие в Бога, недержание данного нами самими честного слова... и небрежное отношение к принятым на себя обязательствам»⁵.

Несомненно, это в определенной степени можно отнести к Соборной клятве русского народа 1613 года, данной при избрании на царствие Михаила Федоровича и для преодоления великой Смуты.

Книга-исследование Г.Б. Александровского стала значительным вкладом в историографию Русско-японской войны и Цусимского сражения в частности, несмотря на то, что общее количество на сегодняшний день исследований по теме оказалось весьма значительным. Первым фундаментальным трудом можно по праву считать труды комиссии по описанию Русско-японской войны, издавшей 16 книг с приложением 9 альбомов, планов и карт, созданной почти сразу по заключению Портсмутского мира. Историческая комиссия при Морском Генеральном штабе, учрежденная для этой цели в 1908 году, выпустила на протяжении ряда лет 9 томов документов и 7 томов описаний сражений Русско-японской войны. Первый популярный труд на тему Цусимского боя был выпущен капитаном 2-го ранга В.И. Семеновым, и за три года – с 1907 по 1910 год – выдержал три переиздания ввиду их крайней популярности у читателей. Вместе с этим следует добавить, что в эмиграции офицерами Императорского флота на протяжении ряда лет были опубликованы статьи и сборники, освещавшие поход 2-й Тихоокеанской эскадры и эпизоды Цусимы.

Серьезным вкладом в русской зарубежной историографии Русско-японской войны стала выпущенная в Праге в 1922 году участниками похода книга под названием «С эскадрой адмирала Рожественского». Работа представляет собой сборник статей и содержит наиболее полные данные по личному составу офицеров эскадры, отражая наиболее важные вехи ее похода.

Объединенные редакцией под одной обложкой, книги органично дополняют друг друга, позволяя читателю познакомиться в большем объеме с обстоятельствами, предшествовавшими Цусимскому бою, и личным составом участников похода. Их воспоминания органически

⁴ Александровский Г.Б. Цусимский бой. 1905–1955, Издательство «Россия», Нью-Йорк, 1956.

⁵ Александровский Г.Б. Указ. соч.

дополняют труд Александровского, позволяя проследить крестный путь русских моряков от Балтики до вод Японского моря.

Можно надеяться, что знакомство с этими страницами русской истории поможет читателю сформировать наиболее объемную картину описываемых событий и послужить богатым справочным материалом, облеченным в популярную форму, заняв свою нишу в потоке исследований, проведенных в СССР и России двух последних десятилетий.

Большинство работ, вышедших с 1955 по 2002 год, отличаются разнообразием подходов, однако порой спорностью выводов и тяготением к применению психологии современного человека к поступкам и действиям участников Цусимского боя, собирательно именуемых «христолюбивым воинством». Хочется подчеркнуть, что наличие православной морали и образа мыслей определяло в ту пору решения и действия подавляющего большинства русских моряков – от адмирала до последнего матроса. Непонимание, исторический скепсис современных авторов показывают их полное незнание с духовной составляющей большинства людей Империи, и, как следствие, приводит к ложным выводам.

Поэтому преемственность православных традиций, сохранившаяся у русских морских офицеров, проживавших за границей, в отличие от атеистического советского и пантеистического современного российского общества, позволяла им приходить к наиболее точным выводам в части описания мыслей и чаяний участников Цусимского боя.

Вместе с тем, хочется верить, что дальнейшее знакомство с книгами, возвращающимися к нам из зарубежья, с учетом вышесказанного позволит будущим историкам правильно распределить акценты в осмыслении этих событий, и отразить с помощью доступных им текстов красоту духовной стойкости и подвига русских моряков.

21 апреля 2011 года

О.Г. Гончаренко

Предисловие

В конце мая 1950 года, в день 45-летней годовщины боя Второй Тихоокеанской эскадры и японского флота у острова Цусима, автором был прочитан в Морском Собрании офицеров Российского Императорского Флота в Париже, старшиной которого он имел честь впоследствии состоять, доклад на тему «Две Цусимы».

Почему – две Цусимы? Как мы знаем, у острова Цусима произошел только один большой бой между русскими и японскими эскадрами, а именно 14 и 15 мая 1905 года (все даты о бое даны по старому стилю). Это верно. Но имя Цусимы уже давно из географического названия превратилось в синоним морского поражения с незначительными потерями для победившей стороны. И вот другую, символическую, Цусиму пришлось спустя 39 лет пережить флоту страны, увенчанной лаврами победителя в бою у настоящей Цусимы.

Японский флот свои успехи над русским флотом в войну 1904–1905 годов повторил через 37 лет, нанеся в течение 1942–1943 годов несколько больших поражений флоту Соединенных Штатов Америки в Пёрл-Харборе, флоту Великобритании у берегов Индокитая и соединенному флоту союзников в Голландской Индии. За первые 8 месяцев войны японцы уничтожили или вывели из строя 400 000 тонн военного тоннажа, потеряв сами только 5 миноносцев.

Японский флот состоял из первоклассных и современных кораблей, был укомплектован опытным и отменно храбрым личным составом и, несмотря на это, потерпел поражение в собственных водах в дни 23–26 октября 1944 года у острова Лейте в Филиппинском архипелаге от противника, над которым он до сих пор одерживал победы.

Это поражение превзошло по своим потерям все предыдущие морские сражения, и в том числе сражение у острова Цусимы. Японцы потеряли у острова Лейте военными кораблями 342 000 тонн против 130 000 тонн с русской стороны и 7500 человек против 5000 человек убитыми, утонувшими и умершими от ран на русской эскадре в бою у Цусимы. Потеря японцами своего флота у острова Лейте привела к полной капитуляции и оккупации Японии, а потеря Второй Тихоокеанской эскадры у о. Цусима – только к проигрышу колониальной войны, какой была Русско-японская война для России. Сражение у острова Лейте затмило по своим потерям и результатам печальную славу Цусимского боя. Пальма первенства в размерах понесенного морского поражения от России перешла к Японии, только что гордившейся своей победой в самом крупном морском бою.

Что же произошло у острова Лейте? Японские корабли сделались жертвой технического прогресса, осуществленного в американском флоте за три года войны. В XX веке открытия техники следуют одно за другим со сказочной быстротой. Разрушительные средства достигли невероятной силы. И флот, который чуть-чуть отстал в соревновании техники, обречен на поражение. Так случилось с эскадрой адмирала Рожественского в Цусимском бою, такова была судьба могущественного японского флота в бою у острова Лейте. Оба флота были укомплектованы личным составом, который вписал новые страницы героизма в историю славы обоих народов, но это не предохранило обе эскадры от технического поражения.

Автор надеется издать в будущем описание боя у острова Лейте и дать сравнительный разбор этого боя со сражением в Корейском проливе. Сейчас, в связи с пятидесятилетней годовщиной Цусимского боя, автор ограничивает свою задачу описанием боя только у острова Цусима. Полвека, прошедших со времени этого трагического сражения, изгладили из памяти современников боя многие подробности, а новое поколение почти ничего не знает о чрезвычайном героизме, проявленном личным составом Русского Императорского Флота в бою у острова Цусима и составляющем одно из лучших украшений сокровищницы подвигов и проявлений несломленного духа русского народа.

Увы, несмотря на исключительную насыщенность этого боя драматическими переживаниями, до сих пор нет полного и объективного описания Цусимского боя, сделанного в литературной форме.

Имеется талантливая книга, написанная капитаном 2-го ранга В.И. Семеновым под непосредственным впечатлением только что пережитого боя – выдержки из нее не раз приводятся здесь, но в ней дается картина боя, пережитая на палубе только одного корабля, а действия остальных кораблей оказались вне поля зрения Семенова. В остальных изданных воспоминаниях участников сражения описание боя занимает еще меньше места.

Единственное военно-морское исследование сражения на русском языке, появившееся до революции, было написано в 1912 году капитаном 2-го ранга М.И. Смирновым. В 1930 году тот же автор, уже будучи контр-адмиралом, признается на страницах «Зарубежного Морского Сборника» № 10, что перечитывая через 18 лет написанное им, он поражается той жестокой критике, которой он подверг русское морское командование. Кроме того, в этом труде имеется ряд ошибок.

В «Истории Русско-японской войны на море», написанной в 1914 году капитаном 2-го ранга Немитцем, дается описание Цусимского боя только на основании выдержек из книги М.А. Смирнова. Уже в эмиграции капитан 2-го ранга Н.А. Монастырев и штабс-капитан С.К. Терещенко в двух книгах, вышедших на французском языке и посвященных истории русского флота и Русско-японской войне, дают уже более объективное, но также сокращенное описание боя.

Вышедшее в 1917 году, уже после революции, официальное описание боя под редакцией капитана 1-го ранга Капниста еще проникнуто пристрастностью, свойственной современникам боя, и, к сожалению, имеется только в одном экземпляре за границей.

Довольно объективное исследование боя дано в британской официальной истории Русско-японской войны. Том III, включающий описание Цусимского боя, вышел из печати только в 1920 году. В этом труде англичане, поддерживавшие японцев в войне против нас, не раз выражают свое восхищение героическим поведением русских моряков, и в том числе адмирала Рожественского в Цусимском бою. Высокая оценка моральных качеств адмирала Рожественского и русских моряков дается в монументальном труде немецкого писателя Франка Тисса «Цусима».

Наконец, имеется подробное изложение Цусимского боя, сделанное бывшим подпольным революционером и матросом Новиковым-Прибоем, участвовавшим в сражении в качестве санитар⁶ и находившегося во внутренних помещениях броненосца «Орел». Сам бой прошел вне поля его зрения, но советское правительство дало ему возможность познакомиться с архивными материалами и лично опросить многих участников сражения, проживавших в СССР. Несколько опытных морских офицеров были призваны сказать ему помощь своими советами.

Новиковым был собран богатейший материал, но что он с ним сделал? В первом издании его книги почти не было положительных отзывов о своих офицерах. Даже советские критики ужаснулись, и в газете «Красный Флот» роман был подвергнут жестокой критике, требовавшей переработки книги и введения в нее, кроме благоприятных отзывов о матросах, еще положительных характеристик морских офицеров, участвовавших в сражении. Во втором издании этот недостаток был частично устранен, но по партийному приказу была сохранена вся собранная и выдуманная Новиковым грязь по отношению к адмиралу Рожественскому, моральный облик которого должен был служить дискредитированию старого режима в глазах советских читателей. Героические поступки части других достойных офицеров почему-то

⁶ Автором допущена неточность: А.С. Новиков служил на броненосце «Орел» баталером – ответственным за провиант и обмундирование. – *Ред.*

высмеяны. Наверно, и эти недостатки будут частично исправлены при последующих изданиях. Но нельзя исправить дух книги, наполненный пораженчеством по отношению к своей Родине, когда она управлялась исторической русской властью, психологией обывательской трусости и физиологической ненавистью полуинтеллигента ко всему, что напоминает ему о его душевной неполноценности.

Неужели эта книга, получившая так называемую премию Сталина и переведенная на многие иностранные языки, должна остаться единственным памятником в глазах всего мира и нашего потомства об исключительном подъеме национального духа, проявленном русскими моряками в бою у острова Цусима? Такая перспектива привела автора в ужас и побудила его сделать попытку дать полное и правдивое освещение трагедии, пережитой личным составом Второй Тихоокеанской эскадры в холодных водах далекого Японского моря.

В этой книге ничего не выдуманно. Все поступки и слова участников сражения приведены здесь на основании источников, список которых дан в конце книги.

Задачей автора было только дать правильное распределение теней и света и сохранить последовательность изложения.

К тексту добавлена карта сражения, на которой отмечено, к какой главе книги относится тот или иной отрезок трассы пути, пройденного эскадрами обоих противников.

Сноски и словарь морских терминов помещены в конце книги.

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить редактора газеты «Россия» Николая Павловича Рыбакова, помогшего изданию этой книги, капитанов 1-го ранга П.О. Шишко, Б.П. Казмичева, капитана 2-го ранга В.В. Яковлева, старших лейтенантов С.В. Гладкого, барона Г.Н. Таубе и других лиц, помогших советами и исправлением замеченных ошибок в тексте.

Когда эта книга готовилась к печати, дошла печальная весть из экзотического Парагвая о смерти капитана 1-го ранга князя Язона Константиновича Туманова, автора прекрасной книги «Мичмана на войне», описывающей поход Второй Тихоокеанской эскадры от Либавы к Цусиме. Выдержки из этой книги приведены в настоящем труде. Да будут они венком от автора на далекую могилу талантливого русского морского писателя и храброго участника Цусимского сражения.

Цель книги – в полувековую годовщину боя отдать честь памяти героев, большинство подвигов которых остались неизвестными, но их подвиги навеки соединены с именами кораблей, на палубах которых они храбро сражались и мужественно приняли смерть.

Имена погибших героев Ты, Господи, веши.

Введение

Пятьдесят лет тому назад, в ночь с 13 на 14 мая 1905 года, Вторая Тихоокеанская эскадра подходила к вражеским берегам. Осенью 1904 года она покинула отечественные порты Балтийского моря, направляясь на выручку Первой Тихоокеанской эскадре, запертой японским флотом в осажденном Порт-Артуре. Но помощь подойти вовремя не успела, и 20 декабря крепость Порт-Артур капитулировала.

Посланная на подмогу эскадра продолжала свой путь, держа курс вместо Порт-Артура во Владивосток. Она прошла почти двадцать тысяч миль без права захода хоть в один иностранный оборудованный порт, чтобы погрузиться углем, произвести срочный ремонт или очистить днище кораблей от ракушек в доке. В течение семи с половиной месяцев пути команды редко имели возможность сойти на берег и дать телу отдохнуть на твердой земле после непрерывной качки.

Русские корабли прошли через три океана и множество морей. Они два раза пересекали экватор. Офицеры и матросы сменялись с вахты на вахту с короткими перерывами на отдых. Суровая дисциплина связывала в единый военный организм тысячи людей, пришедших на корабли со всех концов нашей необъятной родины. Строгий распорядок корабельной службы ни на минуту не ослабевал. Морская качка, желудочные заболевания в экзотическом климате, малярия, и самое ужасное – влажная тропическая жара изматывали людей, привыкших к умеренному континентальному климату.

Команды изнывали от духоты под раскаленными стальными палубами кораблей, построенных для плавания не в жарком климате, а в суровых северных морях. Потоки человеческого пота стекали с оголенных тел, покрытых черной пылью, под палящими лучами безжалостного южного солнца во время бесчисленных погрузок угля в открытом море. Усталые ноги людей, нагруженных тяжелой ношей с углем, напряженно ступали по палубам кораблей, раскачивающихся на волнах. Казалось, не было предела человеческому страданию и долготерпению. Уже один этот беспрецедентный поход достоин быть отмеченным в истории мира.

Оставалось только 600 миль, чтобы дойти до восточной окраины нашего безмерно растянувшегося Отечества. Столь много томительных месяцев в пути, столь длинную дорогу, равную половине окружности земли, надо было пройти, чтобы приблизиться к собственной стране, только с другой ее стороны.

Ни одному народу в мире не удалось создать такого крупного монолитного государства. Было от чего сердцу русских офицеров и матросов, ведущих корабли, быть наполненным гордостью. Но это обстоятельство было также причиной, почему другие народы мира нас боялись, не желали нам победы и тайно надеялись на наше поражение в войне с Японией. Как успех отдельной личности встречает среди людей зависть к нему и злопыхательство, так и неудержимый рост Русского государства вызывал у других наций страх и желание подломить ноги этому страшному северному медведю, вышедшему из дремучих хвойных лесов Восточной Европы и Сибири.

Тридцать девять сороковых пути было уже за кормой кораблей. Оставалось пройти только сороковую долю далекого расстояния. Еще только три дня перехода после 225 дней, проведенных вдали от собственных берегов.

Но этот путь преграждали Японские острова. Где-то между ними притаился неприятельский флот, изготовленный к бою. Тревога вкрадывалась в сердце и примешивалась к чувству собственного достоинства у русских людей, пытливо всматривавшихся в горизонт или подбрасывающих уголь в ненасытные топки пышущих жаром котлов. Беспокойные вопросы буравили голову: «Удастся ли проскочить во Владивосток, до которого, казалось, осталось только рукой

подать, без боя с японским флотом? И какую цену придется заплатить, если боя избежать не удастся?»

Далекий путь, в изобилии усеянный тяжелыми лишениями и щедро оплаченный человеческими страданиями, еще не вел к заслуженному отдыху в своем порту. Курс к родному берегу и к законному праву отдохнуть после изнурительного похода нужно было завоевать огнем и кровью.

Часть первая. Начало боя

Глава I. Ночь перед боем

Желтовато-серое море недружелюбно встретило русские корабли. Дул порывистый юго-западный ветер. Низкая полоса тумана нависла над вздувающимися волнами.

Стояла темная ночь. Сквозь прилипшую к волнам мглу еле заметно мигали редкие звезды, когда их не закрывали темные тени низко проносящихся рваных облаков.

Сильный ветер тоскливо гудит в снастях. Под острым форштевнем клокочет бурун. Стальной таран разрезает водную поверхность, точно хирург вскрывает кожу, но из разрезанного шва не брызжет алая кровь, а вскипает белая пена, которая быстро проносится вдоль гладких бортов и оставляет за кормой полосы взбудораженной воды. Вдали эти полосы медленно расплываются и исчезают, не оставляя ни рубца на волнующейся поверхности, ни следа того, что здесь только что прошли корабли.

Мутные волны Желтого моря ударяются с резким отрывистым шумом о стальные борта кораблей. Они вздымаются вверх, ищут, куда бы проникнуть, но, не найдя ни одного незадраенного иллюминатора, ни одной открытой амбразуры каземата, разбиваются на тысячи брызг и потоками холодного душа обрушиваются на палубы кораблей, посылая самых быстрых своих гонцов на высокие мостики. Но не успели гонцы долететь туда, как уже волны откатываются назад, проваливаются вниз, обнажают на секунды красное днище, чтобы с новой силой, с ненасытной яростью броситься опять на непокорные корабли.

Корабль, как живое существо, размеренно дышит. Пар приглушенно ухает в стальных цилиндрах. Стук шатунов паровых машин глухо передается корпусу корабля. Назойливо жужжат вентиляторы. Корабль дрожит, как породистая лошадь, не умеющая сдерживать нервного напряжения перед тем, как преодолеть препятствие.

Эскадра сомкнулась как можно теснее. С каждого корабля видна только неясная тень переднего мателота и следующего за ним в кильватер судна. На затемненных палубах царила напряженная тишина. У орудий и прожекторов замерла прислуга, зоркие глаза которой всматривались во мглу, стараясь различить в темноте еще более черную тень неприятельских миноносцев. Картина коварных атак японских миноносцев на наши корабли в Порт-Артуре была свежа в памяти у всех.

В ожидании минных атак половина офицеров и матросов несла вахту, а другая половина использовала короткие четырехчасовые перерывы, чтобы заснуть, не раздеваясь. Сон с перерывами и без удобств не снял с людей усталости предыдущего дня. Чуть болела голова, слипались глаза, но нужно было вставать, чтобы занять свое место по боевому расписанию.

На мостике флагманского корабля «Князь Суворов» стояла высокая фигура вице-адмирала Зиновия Петровича Рожественского, командовавшего Второй Тихо-океанской эскадрой.

На его чуть сгорбленные плечи легли все трудности достройки и снабжения кораблей, предназначавшихся для усиления Первого Тихоокеанского флота, но их готовность запоздала к началу Русско-японской войны. Теперь он вел к вражескому берегу эти корабли, но не для того, чтобы дать перевес над японским флотом Первой Тихоокеанской эскадре, которого эта эскадра не имела, за что и поплатилась своим существованием. Он вел эти корабли, чтобы самим стать ядром новой силы, могущей быть противопоставленной победоносному противнику. Увы, эта сила была еще слабее первой.

На его одинокие плечи легла вся безмерная тяжесть проводки этих еще по-настоящему не достроенных кораблей, с неопробованными механизмами, с неосвоенными приборами, с

несплававшимися командами из Балтийского моря вокруг трех материков – Европы, Африки и Азии.

Только теперь история по заслугам оценила беспримерный поход многочисленной эскадры, гонимой из всех иностранных портов. Величие духа русских людей, их беспредельная способность переносить лишения и физические страдания, изобретательность и упорство в преодолении организационных и технических трудностей похода превратились в настоящее время в молчаливый укор равнодушной совести мирового общественного мнения того времени.

К сожалению, не русские писатели, в своем большинстве не сумевшие побороть горечь личных мелких обид, поскольку они были участниками похода, и, конечно, не советские писатели во главе с получившим сталинскую премию за свой роман «Цусима» Новиковым-Прибоем, будучи ослепленными пристрастной коммунистической демагогией, увидели в молчаливой фигуре командующего, прободрствовавшего всю темную часть ночи на мостике своего флагманского корабля, – выдающегося начальника и духовного великана. Таким его увидел и обрисовал немецкий писатель Франк Тисс.

Теперь эскадра, ведомая адмиралом Рожественским, находится в этом чужом море. На берегах островов, окруженных этим морем, живет гордый японский народ. Его сыны испокон веков плавают здесь, и море кормит их и их семьи. Молодой флот Японии суверенно властвует над этим морем. Личный состав этого флота изучил каждый угол этого моря и знает здесь каждый каприз неуравновешенной стихии.

На слегка сутулые плечи адмирала Рожественского легла забота, как провести через это опасное место не только корабли, с которыми он вышел из Кронштадта, но и дополнительную эскадру, посланную ему вдогонку из Балтийского моря и состоящую из дряхлых, тихоходных кораблей, в большинстве вооруженных устаревшей артиллерией, медленно стреляющей и не достреливающей до противника. Эта эскадра под начальством контр-адмирала Небогатова присоединилась к нему только три недели тому назад. Она же сделалась тяжелой обузой для бригады современных броненосцев, составлявших первый отряд его эскадры.

Мало того, что делать с еще более тихоходными транспортами, которые было приказано обязательно довести до Владивостока? На этих транспортах находились запасные части и снаряды, которые считалось невозможным доставить во Владивосток по железной дороге, перегруженной перевозками для армии.

В беспросветную тьму взирали озабоченные глаза адмирала. За его высокой спиной сосредоточенно смотрели вперед вахтенные офицеры, штурманы и сигнальщики. Рулевые твердо сжимали колесо штурвала, направлявшего флагманский корабль и всю эскадру кратчайшим путем на Владивосток.

Глазам бодрствовавших представилась картина последней якорной стоянки в Индоки-тае, когда флагманский корабль, как мгновенно вспыхнувшая свеча, разделся многофлажным сигналом. Он сокращенно гласил: «Японцы беспредельно преданы престолу и родине, не сносят бесчестия и умирают героями. Но и мы клялись перед Престолом Всевышнего. Господь помог одолеть тяготы похода, доселе беспримерного. Господь укрепит и десницу нашу, чтобы кровью смыть горький стыд Родины».

Глава II. Утро перед боем

К концу ночи стало заметно светлее. Свет взошедшей луны серебрил верхнюю кромку тумана. На белесоватом фоне начали выделяться мачты, трубы, снасти.

Но стало также заметно свежее. Холодная сырость забиралась за воротник бушлата и пронизывала тело до костей. Липкая мокрота наполняла легкие и вызывала приступы кашля.

На мостике флагманского корабля его командир капитан 1-го ранга Василий Васильевич Игнациус сменил командующего. По словам прикомандированного к штабу командующего капитана 2-го ранга В. Семенова, командир «Князя Суворова» принадлежал к разряду офицеров, убежденных, что поход Второй Тихоокеанской эскадры является чистейшей авантюрой, и, если Николай-угодник не поможет проскочить незамеченными японцами во Владивосток, то судьба его корабля, идущего головным, неизбежно закончится трагично. Придя к этому выводу, Игнациус ни на минуту не терял своего всегда жизнерадостного и бодрого настроения, шутил, острил, интересовался всеми мелочами судовой жизни и матросского обихода. И сейчас он был настроен шутливо, говоря: «Ну, можно считать, что ночь прошла благополучно. До сих пор японцы нас не открыли. Все перекликаются по радио. А теперь хоть открой – поздно. До рассвета всего часа два. Миноносцев, если даже и под рукой, не успеют собрать. Да и где найти в такую погоду. Смотрите – хвоста эскадры не видно. Вот только ветер мне не нравится. Свежеет. Как бы не разогнал тумана. Ну, тогда – завтра же и крышка. Кому что, а “Суворову” – капут. А вдруг туман еще гуще станет?» Голос Игнациуса совсем повеселел. «Японцы уже сутки кругом бродят, а нас открыть не могут. Если прозевают, то после нашего второго прихода сюда, уже из Владивостока, другой разговор будет. Вот потеха настанет». И Игнациус начал весело смеяться, закрывая платком рот, чтобы не разбудить адмирала, только что уснувшего на мостике в кресле.

Но в пятом часу утра с правого борта приблизился незнакомый корабль, который, продержавшись короткое время на параллельном курсе, скрылся в предрассветном тумане. Как впоследствии выяснилось, это был японский дозорный вспомогательный крейсер «Синано-Мару», наведенный на эскадру отличительными огнями одного из русских госпитальных судов. Он немедленно по радио сообщил командующему японским флотом адмиралу Того все необходимые ему сведения о том, каков состав, походный строй и курс русского флота.

В эфире немедленно начался переполох. Радиотелеграммы посыпались, как из рога изобилия. Не было сомнений, что русская эскадра была открыта. Адмирала разбудили.

В это время над горизонтом, заволоченным мглой, медленно поднимался тусклый диск солнца. Сквозь молочную пелену плоский шар казался распухшим и точно налившимся кровью. Бесформенные тени быстро сокращались. Туман отступил дальше от кораблей и держался ближе к горизонту. Вскоре можно было разглядеть русский флот, построенный в две боевые колонны.

Правую колонну вел «Князь Суворов». За ним следовали три однотипных с ним броненосца: «Император Александр III», «Бородино» и «Орел». В кильватер за ними шел второй отряд с флагманским кораблем «Ослябя». Этот корабль также был недавно окончен, хотя строился уже давно и представлял собой экспериментальный тип судна. За ним следовали уже старые броненосцы «Сисой Великий» и «Наварин» и совсем уже старый «Адмирал Нахимов». Последние два корабля были вооружены старыми орудиями, мало действительными в современном бою.

Левую колонну возглавлял самый старый и наиболее тихоходный броненосец «Император Николай I», также вооруженный устаревшей артиллерией. Ему в кильватер держались броненосцы береговой обороны, построенные для плавания в мелководных фарватерах между шхерами Балтийского моря, но не для эскадренного боя на океанских просторах. Это были

«Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Ушаков» и «Адмирал Сенявин». Колонну заключали два новых и быстроходных крейсера «Олег» и «Аврора» и два уже совсем дряхлых и тихоходных крейсера «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах».

Впереди обеих колонн рассыпались веером пять крейсеров-разведчиков: «Светлана», «Жемчуг» и «Изумруд» и вспомогательные крейсера «Алмаз» и «Урал». В арьергарде между колоннами держались транспорта и миноносцы.

В седьмом часу утра эскадра была в 40 милях от острова Цусима. Вправо от эскадры на расстоянии 6 миль был обнаружен японский крейсер «Идзуми». Это был самый устаревший и наиболее слабо вооруженный из японских крейсеров. По воспоминаниям капитана 1-го ранга князя Туманова, бывшего вахтенным офицером на «Орле», «Идзуми» приблизился к русской эскадре на досягаемость не только крупной, но и средней артиллерии и в течение часа следовал за русской эскадрой, посылая лихорадочно радиотелеграммы на непонятном нам шрифте. Казалось, что отогнать и даже уничтожить назойливого японца было бы несложным делом для любого из наших новых крейсеров. Но нашей главной задачей было дойти до Владивостока. Для выполнения этой задачи предстоял еще тяжелый бой со всей японской эскадрой, для которого надо было приберечь снаряды. Не время было отвлекаться второстепенной добычей. Эскадра безмолвно продолжала идти к восточному Корейскому проливу.

На кораблях была сыграна побудка. Команда свободной вахты пробуждалась от тяжелого и короткого сна. Спали не раздеваясь, вблизи своих постов. Многие не сомкнули глаз, глядя открытыми глазами навстречу грядущему дню. Часть матросов, соблюдая старый русский обычай, побывала в бане и оделась, как полагается перед боем и возможной смертью, в чистую одежду. Этого факта не смог замолчать даже советский летописец боя у Цусимы Новиков-Прибой. Раздали завтрак. Как обычно, произвели утреннюю приборку. Окатили и прошвабрили палубы, прибрали кубрики и внутренние помещения.

Вслед за крейсером «Идзуми» показались еще три японских разведчика. Адмирал приказал крейсерам «Светлана», «Алмаз» и «Урал» занять место сзади эскадры и прикрывать от японских разведчиков транспорта. Крейсерам «Жемчуг» и «Изумруд» было велено идти извне впереди траверзов обеих колонн и удалять с пути эскадры все встречные пароходы и джонки. Броненосцам было приказано навести по одной башне на крейсер «Идзуми», но огня не открывать. Увидев повернутые дула орудий, «Идзуми» предпочел на время ретироваться.

В восемь часов состоялся подъем флага. На день 14 мая по старому стилю приходился Царский день. Отмечая годовщину помазания царя и царицы на царство, были подняты стеньговые Андреевские флаги. Этим флагам суждено было стать боевыми эмблемами в позднее разыгравшемся бою. Был отслужен молебен. Многие матросы истово крестились, и только у немногих закоренелых революционеров даже в эти роковые часы не нашлось слов молитвы к Богу.

К подъему флага к эскадре подтянулось отставшее за ночь госпитальное судно «Кострома». Она просемафорила адмиралу, что встретила отряд адмирала Дева, состоявший из самых быстроходных японских легких крейсеров. Вскоре они появились из мглы справа с кормы и начали на большом расстоянии обходить эскадру.

Через полтора часа на левом траверзе появился отряд устаревших японских крейсеров. Была пробита боевая тревога. Этот отряд также мог бы стать легкой добычей русских. Но наши корабли молчали, а новенькие крейсера не бросились стремительно вперед. Это еще не был главный противник. Выдержка у адмирала Рожественского была изумительная. Японские корабли, обгоняя русскую эскадру, вскоре снова показались на короткий срок и скрылись в тумане.

Командующий воспользовался этим моментом, чтобы перестроить эскадру в одну кильватерную колонну. Корабли первого и второго отрядов заняли место впереди третьего броненосного отряда. Строй эскадры растянулся на четыре с половиной мили.

В половине одиннадцатого легкий крейсер «Жемчуг» отогнал выстрелами приближавшийся справа японский пароход. С обеих сторон во мгле появились силуэты миноносцев и более крупных судов. На «Суворове» взвился сигнал – «тревога». По этому сигналу шедший слева «Изумруд» перешел на правую сторону и лег в кильватер «Жемчугу». К ним присоединились 4 миноносца, назначенные в распоряжение флагманов. Крейсерам «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской» было приказано покинуть строй и взять на себя защиту транспортов с правого борта последних.

Слева, позади траверза, снова появились новенькие японские крейсера вице-адмирала Дева. Еще в Порт-Артуре их называли собачками, так как их появление предшествовало приближению главных сил японского флота. Не было сомнений, что японский броненосный флот вот-вот появится. Японские легкие крейсера провокативно приблизились на 39 кабельтовых. Руки у русских артиллеристов от нетерпения чесались. Кто-то из них нажал на пусковой курок, и из одного орудия с «Орла» раздался случайный выстрел. Немедленно вся русская эскадра опоясалась дымом от выстрелов. Японцы начали отвечать и немедленно уходили. На «Суворове» взвился сигнал: «Не кидать снарядов».

По поводу этого сигнала, якобы жалеющего снарядов для стрельбы по неприятелю, Новиков-Прибой демагогически вспоминает приказ петербургского градоначальника генерала Трепова при подавлении им восстания рабочих: «Патронов не жалеть». Сколь разное, мол, отношение к врагу и собственному народу! Но приказ адмирала Рожественского был совершенно правилен. Нужно было прекратить неорганизованную стрельбу и действительно жалеть снаряды. Их могло не хватить в решительный момент боя. И ради их доставки во Владивосток флот подвергался опасности. Новые броненосцы не могли развить полного хода, чтобы не бросить свои транспорты. Не будь этих транспортов, эскадра наверно бы успела проскочить во Владивосток или, во всяком случае, не кружилась бы на месте во время происшедшего вскоре боя вместо того, чтобы удалиться от этого рокового места. Адмирал Рожественский предвидел трудность проводки во Владивосток транспортов и своевременно просил освободить эскадру от этой задачи, в чем ему было отказано. Поэтому он не мог допустить, чтобы без единого попадания бросались зря снаряды, имевшие столь большую ценность.

В половине двенадцатого по сигналу с «Суворова» было приказано командам посменно обедать. Было выдано по получарке рому. После обеда подвахтенной смене было разрешено отдохнуть. Царило бодрое настроение. Озабоченность, охватившая команды ночью, сменилась ощущением сосредоточенной решительности. Некоторые офицеры и матросы бравировали своим бесстрашием и завалились вздремнуть.

В полдень эскадра, пройдя середину восточной части Корейского пролива, повернула на свой последний курс, ведущий прямо во Владивосток. Этим курсом, согласно ранее поднятому сигналу адмирала, был норд-ост 23°.

Кругом были видны силуэты вражеских судов. Не было сомнения, что русская эскадра шла в середину сети, густо расставленной японским флотом. Адмирал, не переставая опасаться за судьбу транспортов, снова приказал крейсеру «Светлана» оберегать транспорты.

В 12 часов 20 минут мгла на горизонте сгустилась, и неприятельские крейсера скрылись за ней. Не будучи более наблюдаемым противником, командующий решил изменить строй эскадры. Вместо кильватерной колонны он решил перестроить эскадру в строй фронта. Этот строй давал преимущество в начальной стадии боя, если неприятель не был о нем осведомлен и не подготовился отразить этот маневр. Но, увы, вражеские крейсера снова вынырнули из тумана. В это время первая бригада броненосцев уже легла на перпендикулярный курс. Не желая преждевременно раскрыть цель своего маневра, адмирал Рожественский поднял сигнал, отменяющий маневр, и повернул первую бригаду снова на старый курс. В результате незаконченного маневра первый отряд броненосцев оказался идущим в отдельной колонне справа от остальной эскадры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.